Происшествие

...и виждь, и внемли...
А. Пушкин. Пророк

Вдруг потерялся мой язык,
Без войн, без лихолетья.
И вместо слов — к зубам впритык —
Одни лишь междометья.

Хватился сразу: «Ешкин кот!
Нет языка родного!
Вот это в жизни поворот:
Ни слова, ни полслова!»

Я охал, ахал и мычал,
Забыв, что знал от века…
Не спрашивал, не отвечал —
Угукал или некал.

Но, вслушиваясь в мир, постиг
Иных созданий речи.
И обнаружил праязык —
Еще нечеловечий.

Болонка
тявкнула:
— При-вет!..
— Здо-ро-во! — скрипнул тополь.
И оказалось: белый свет
Набит словами вдоволь.

Слетел бродяга-воробей
И, времени не тратя,
Мне прочирикал:
— Не ро-бей!
Послушай нас, при-я-тель…

И некий шар, без ног и рук,
Сквозь облака утробу
Меня коснулся:
— Милый друг!
А помолчать — по-про-буй!

Как этот лист, как тот род-ник,
Как травка мо-ло-дая…
…И ожил грешный мой язык,
За слогом слог рождая.

И я теперь спокойно сплю.
Всех прочих — по-ни-маю…
Помалкиваю да скриплю,
Чирикаю да лаю…

Дом

Заворочался Дом.
Закряхтел, заскрипел,
Распрямляя со сна сочлененья.
В туалетах и в душах тихонько запел,
Поднимая себе настроенье.

Там — жену приласкал,
Там — собачку ругнул,
Не от лютости, а для порядку.
Кое-где для зарядки
Руками взмахнул
Или вновь наплевал на зарядку.

Пересохший валялся, пытаясь понять:
«Где я? Кто я?» — надеясь на чудо,
Что приснилось все это:
Чужая кровать
И паденье в нее ниоткуда…

Распрямляются «брежневки»
Пять этажей!
Это вам не «хрущевка» с клопами
И не «сталинский дом»,
Где «ночь длинных ножей»
Репетируют крысы под нами.

Кто-то — чай с кофейком,
Кто-то — творог-кефир…
Многолик этот Дом и всеяден.

Приоделся. И вышел
В сверкающий мир —
Ради будней,
Не вечности ради…

Там кругом поднимаются
Ввысь этажи,
Не слыхавшие звонов трамвая.
Все у них впереди: миражи, мятежи
И — не дай Бог —
Еще Мировая…

Там — дверями
К соседу сосед — не впритык,
Там просторны домов планировки…
Мимо них, молодых, крепкостенных,
Крутых,
Дом шагает к своей остановке.

Из эпохи абажуров

Бродяга я — а-бара-му,
бродяга я — а-бара-му…
Дворовая песня

Что-то там в набросках было,
Да уехало давно,
И — покрыто слоем ила —
Еле видится оно.

Но оттуда лучик светит.
Из-под тех дремучих вод
Сквозь слои десятилетий
Мне сигналы подает.

Из эпохи абажуров,
Не торшеров, люстр и бра, —
Папа — Тоша, мама — Шура
И Андрюха — старший брат.

Дверь еще не на цепочке,
Октябрята — кореша…
Под спектакль в радиоточке
Засыпаю, чуть дыша.

Там гремят красногвардейцы,
Пушки лупят не во сне…
Белым не на что надеяться,
Это ясно даже мне.

Я не знаю, жмуря веки,
Что — всем ворогам назло! —
Мне в кровавом этом веке
Несказанно повезло!

Под «бродягу раджкапура»
Светит мне моя семья:
Из эпохи абажуров —
Мама, папа, брат и я.

Золотые гортани Италии,
Неужели навеки пропали вы?
Отсверкали, отпели и сгинули
И, под своды спускаясь могильные,
Растворились во тьме царства сонного?..

Нет! Явилась труба Эдисонова!

И порушила прежние правила:
Призвала, вострубила, восславила!
В ней когда-то вы, цинком хранимые,
Свили гнезда свои соловьиные.
И взлетаете ввысь, осиянные,
В небеса ваши обетованные,
Наполняя нам слух чистым золотом…

Чтоб оттуда не веяло холодом.

Голубиная притча

Ирине Левитес

В детстве папа называл ее «булочкой»
За улыбы в круглых щеках.
Когда проходила она школьной улочкой,
Слетались к ней птицы,
Живущие в облаках.

Она часто бросала им хлебные крошки,
Иногда, если было, — пшено…
И гуляли по гаревой
Птицы дорожке
В скверике возле кино.

Возрасты потихоньку сменяли друг друга,
Да и птицы сменяли птиц…
Утверждала генетика — бывшая лженаука:
«Сущность не меняется
От перемены клювов и лиц!»

Перетекали рассветы в закатные зарева…
Крошек однажды не оказалось при ней.
И тогда появился
На дорожке гаревой
Самый памятливый из голубей.

Птичья память для всех остается загадкой.
Прилетел откуда-то — и нате вам!
Поделился хлебною корочкой сладкой:
Бросил корочку прямо
К ее ногам.

И она теперь под его опекою,
Знает: голуби не бросают своих.
Птичья память, возможно, не самая крепкая,
Но она милосерднее
Многих других.

Строчка

Хоть твою поэзию и прозу
Знают лишь на родине твоей,
Вытащить наружу
Как занозу
Нужно эту строчку поживей!

Просто прелесть строчка-закавыка!
Хоть и долго сладу с нею нет,
Методом нажатия и тыка
Вызволи из тьмы ее —
На свет!

До нее нет никакого дела
Там, где спят Олимп
И Колизей.
Нужно, чтобы здесь она взлетела.
Может, только для твоих друзей!

Пусть она взлетит и приживется
Лишь в твоем заштатном городке,
Где цветет лопух,
Крапива жжется,
Говорят на русском языке…

Бормоча о суетном и вечном,
И тебе понять пора уже:
Нужен ты стишком небезупречным
Лишь одной
Доверчивой душе.

Телесага о Форсайтах

Два скакуна в английском сериале
Белее снега, выпуклей ядра…
Такие в жизни
Встретятся едва ли.
Но в сериале —
Какова игра!

С утра и до закатного багрянца,
Раскручивая конский свой сюжет,
Два скакуна,
Как бицепсы, бугрятся…
Им до Форсайтов
Даже дела нет.

Ирэн и Сомс на фоне фаэтона
Все так же худосочны и бледны:
Заложники страстей,
Рабы закона…
Но, к счастью — снова
В кадре скакуны!

Форсайты за Форсайтами проходят,
Сменяя гнев на милость и любовь.
Как ни печалься
Или ни злословь,
Не лорды здесь,
А кони верховодят.

Два белых скакуна,
Скакнув из прозы,
Рысят по кадрам саги не спеша…
Вон — выход есть!
И подсыхают слезы,
И наша жизнь,
Как прежде, хороша!

Памяти Таи Немовой

Скорый поезд не по-детски
Прет по лесу прямиком.
Осень гладит перелески
Еле теплым утюжком.

Кроны, тающие травы —
Все, что видишь в этот час,
В горизонт летит дырявый
Мимо слуха, мимо глаз...

То ли здесь земля полегче,
То ли карта так легла…
Лишь березок тают свечи
В белой прорези стекла.

Не загадывай на случай,
Все придет само собой.
Вместе с этой темной тучей,
Вместе с далью голубой.

И листвы истает пламя,
Там, где рельс как нерв дрожит…
Где-то здесь, под Буюклами
Тая Немова лежит.

Пилигримы

Вячеславу Недошивину

Льды у полюса Южного — не растолочь!
Как по нитке, за стаей своей
Одинокий пингвин
Ковыляет сквозь ночь,
И ему — ни тепла, ни огней.

А на севере дальнем, там — наоборот.
Незакатным, немеркнущим днем
Одинокий медведь
Белой лапой гребет
В океане студеном своем.

Он не знает еще, что на том берегу,
Там, куда он
Никем не гоним,
Только камень таймырский,

Да ветер над ним —
Гнет припай в ледяную дугу.

Одинокий медведь,
Одинокий пингвин…
Юг и Север — заплыв до упора!
Между ними, возможно,
Еще есть один —
Бабуин на ветвях Эквадора.

Кто из нас не хотел бы доплыть,
Дотерпеть
И допрыгнуть до ветки заветной?
Видно, в каждом из нас — и пингвин,
И медведь,
И еще — бабуин огнецветный.

И зовут нас,
И манят опять острова
В темных водах
Безбрежных скитаний.
И опять одиноко царит голова
Среди волн в ледяном океане.

О рефлексах

Только вымолвишь слово «комар»,
И уже беспокоятся руки:
Этот писк, этот зуд, этот жар…
Вот и стало тебе не до скуки!

Лишь подумаешь слово «лимон»,
Как слюною наполнится нёбо.
И почувствуешь: снова спасен
От похмельной тоски и озноба.

А как скажется слово «люблю» —
Тут и вовсе нам не отвертеться…
Лишь одно полоумное сердце
Будешь слышать свое во хмелю.

И тогда уж зови не зови
Это сладкое слово «свобода» —
Не займет оно места любви.
Здесь бессильна рефлексов природа.

Лель

Подведя черту под многоснежностью,
Лужами взрывается апрель.
И такой повеяло вдруг свежестью!
Это — Лель.

Стрелы мечет Лель свои лилейные,
Соблазняет вешней новизной.
Лелем были сны твои взлелеяны
За морозной ставенькой резной!

Горлинкой, ручьем, барашком облачным
Он явился и сквозь вербный пух
Солнечным по небу катит обручем...
Это — Лель, любви бессонный дух!

Нет, не прячься ты за занавесками!
Ветер солон и сладка капель.
И не будут наши весны пресными
До тех пор, пока живет в них
Лель!

Белотелую рыбу-калугу
Не догонят мои невода.
Холода нас толкают друг к другу,
Ноября ледяная вода.

Зверь залег, птицы скрылись из виду.
Вновь природа со мною честна.
И похожа на Кариатиду
Улетевшая в небо сосна.

Холода не могу обуздать я.
Но — не дует в моей городьбе.
Запоздалые эти объятья —
Лишь тебе.

Бумажный червь —
Потомок древоточца —
Ни сердца не имеет, ни лица,
Не зная весен
И не видя солнца,
Штампует формуляры без конца.

Плодит себе подобных
Зверь ползучий,
Куда ни плюнь — внизу и наверху —
Все виртуальней жизни смысл,
Все круче
Размах резцов, точащих смысл в труху.

Всех беззащитней перед зверем дети
И дети их детей.
Из года в год
Леса редеют,
Сатанеет ветер
И тает на планете кислород.

Дикий мир

И все-таки не кончена игра!
Нас больше, чем волков и лис, намного.
Я верю, что придет еще пора —
И на обломках гнезд, берлог и логов
Потомок-Заяц всем воздаст сполна!
Где стон стоял: «Спасите наши души!», —
Еще напишут наши имена
И даже, может, нарисуют уши.